

В воздухе разило перегаром. Ин Сяюй отвернулась и набрала номер во второй раз.

Парни обменивались сальными шуточками, а их вожак шагнул вперед и бесцеремонно схватил ее за плечо.

— Что творишь? — Ин Сяюй резко развернулась, и в ее красивых глазах вспыхнула ярость. — Сопляки малолетние, перепили и решили тут повыпендриваться? А ну пошли прочь! Живо отсюда!

Парни от неожиданности оторопели. Вокруг было полно народу, и молодая спесь не позволила им стерпеть обиду — они тут же обступили Ин Сяюй.

Посыпались грязные, оскорбительные приставания, кто-то уже распускал руки. Ин Сяюй закричала, зовя на помощь, и к ней бросились несколько парней-официантов из палатки. Обе стороны принялись осыпать друг друга бранью, и в мгновение ока завязалась потасовка.

Цяо Юаньлинь тут же вызвал полицию. Снимая все на видео, он в панике спросил:

— Что же делать?

Но Лян Чэн, словно привыкший к подобному, лишь невозмутимо наблюдал за разгорающейся дракой.

Вскоре завязалась настоящая драка. С грохотом перевернулся пластиковый стол, у кого-то из носа хлынула кровь. Цяо Юаньлинь не выдержал и взмолился:

— Сделай же что-нибудь!

Лян Чэн по-прежнему сидел непоколебимо, словно скала.

— Давай поспорим, — предложил он.

Цяо Юаньлинь решил, что ослышался:

— Поспорим?

Вся эта романтическая чепуха с цветами и воздушными шарами была совершенно не в его стиле. Лян Чэн кивнул в сторону дерущейся толпы:

— Если победят те придурки, твоя судьба в твоих руках, я больше шагу навстречу не сделаю. Но если они проиграют — ты хорошенько подумаешь обо мне.

Цяо Юаньлинь опешил. Да разве можно?.. Одно ведь совершенно не связано с другим!

К тому же в такой момент... Вдруг раздался пронзительный визг. Он сильнее сжал подлокотники стула, тщетно пытаясь разобрать, кто именно ранен.

Официантами в основном подрабатывали студенты, драться они толком не умели. Пьяные же хулиганы совсем лишились рассудка и крушили все подряд, постепенно перехватывая инициативу.

Студенты, оказавшись в меньшинстве, трусили. А несколько побитых хулиганов, распалившись еще сильнее, с дикими криками разгромили очередной стол.

У Цяо Юаньлиня вспотели ладони. Сгорая от непонятного волнения, он пробормотал:

— Они сейчас победят...

— Давненько я не нарушал закон, — отозвался Лян Чэн. — Хорошо еще, что Чэн Лие ушел.

Цяо Юаньлинь не успел опомниться, как место рядом опустело. Лян Чэн поднялся, подхватил пустую пивную бутылку и уверенно двинулся к толпе.

— Ты что удумал?.. — испугался он. — Лян Чэн, стой! Что ты делаешь!

Одиночный удар ножом в грудь мог обернуться непоправимым. Лян Чэн окинул хулиганов взглядом, словно рентгеном просвечивая их кости и мышцы, замахнулся и с размаху опустил бутылку на плечо их главаря.

Тот истошно завопил и рухнул на землю. Отпихнув его ногой, Лян Чэн нанес несколько точных ударов кулаком. Его крепкие костяшки тут же окрасились багровой кровью.

— Лян Чэн, вернись! — закричал Цяо Юаньлинь.

У его ног раздался глухой стон. Лян Чэн свалил последнего противника, наклонился, схватил его за волосы и, заставив поднять голову, размазал кровь со своей ладони по его хрипящему горлу.

В конце улицы с включенными мигалками уже показалась полицейская машина, но из-за суматохи на ночном рынке она едва протискивалась сквозь толпу.

Лян Чэн схватил Цяо Юаньлиня за руку и увел прочь, юркнув через пролом в ограде на территорию парка Цзисян.

Сияющая над озером луна казалась точно такой же, как в те далекие годы. Они спрятались под раскидистой ивой; легкий ветерок качал ветви, и те щекотно задевали их лица.

Слегка запыхавшийся Лян Чэн тихо произнес:

— Я выиграл.

В глазах Цяо Юаньлиня отражались озерные блики. Он был готов разрыдаться:

— Ты с ума сошел.

— Так ты согласен? — Лян Чэн шагнул к нему, накрыв его затылок своей горячей ладонью.

Его дыхание коснулось лица. Оказавшись в такой близости, Цяо Юаньлинь слабо попытался высвободиться:

— Я не соглашался спорить.

Лян Чэн лишь усмехнулся:

— А когда ты восемь лет назад тайком поцеловал меня, я давал разрешение?

У Цяо Юаньлиня перехватило дыхание.

— Линьлинь, — прошептал Лян Чэн, наклоняясь к нему. — Мне тоже хочется узнать, каково на вкус соевое молоко.

Ладонь скользнула с затылка на шею, мягко вынуждая Цяо Юаньлиня запрокинуть голову. Он даже не успел закрыть глаза — и под звездным небом, в серебряном свете луны, пробивающемся сквозь ветви ивы, Лян Чэн мягко прильнул к его губам, целуя его.

Полицейская машина наконец добралась до забегаловки. Вернулась Ин Сяоцун, и за забором поднялся жуткий переполох: кто-то ругался, полицейские требовали порядка, зеваки шумели и улюлюкали.

Но Цяо Юаньлиню было не до этого. Он растворился в их общем с Лян Чэном прерывистом дыхании. Когда Лян Чэн наконец отпустил его, парень едва мог дышать.

В голове шумело, все тело горело. Цяо Юаньлинь не удержался на ногах, покачнулся и уткнулся лбом в грудь Лян Чэна.

Работая журналистом, он мог легко распутать десятки нитей любого запутанного дела, но сейчас его собственные мысли превратились в сплошной хаос. Он не понимал, как реагировать: радоваться или злиться? Сгорать от стыда или делать вид, что ничего не произошло?

Цяо Юаньлинь простоял в оцепенении добрых пять минут. Случайно наткнувшись взглядом на влажные губы Лян Чэна, он поспешно отвернулся, уставившись сначала на ветви ив и прогулочный катер, а затем — на мигающие в отдалении красно-синие огни.

— Полиция приехала по твою душу, — попытался он неумело припугнуть его.

— Ну, тогда я пошел сдаваться, — Лян Чэн сделал вид, будто направляется к выходу из парка.

— Стой! — Цяо Юаньлинь торопливо преградил ему путь, чувствуя, что окончательно теряет самообладание. — Ладно, твоя взяла! Хватит уже надо мной издеваться!

Сколько раз они здесь ни бывали, но лишь сегодня впервые обратили внимание на красоту парка Цзисян. Лян Чэн повел Цяо Юаньлиня по главной аллее мимо камфорной рощи и розария к центральному входу.

Поймав такси, Цяо Юаньлинь юркнул на заднее сиденье и забился в самый угол у двери. Лян Чэн сел рядом, оставив между ними расстояние в полруки. Цяо Юаньлинь то и дело с опаской поглядывал на водителя через зеркало заднего вида, боясь, что тот заметит что-то неладное.

Вечно хорошие люди изводят себя переживаниями, пока всякие мерзавцы чувствуют себя совершенно свободно. Лян Чэн достал телефон и принялся писать Ин Сяоцун.

Цяо Юаньлинь косился на него, плотно сжав губы. В мыслях он уже набрасывал текст: «Двадцать третье сентября. Ночь. Прохладно. У озера Цзисян, под четвертой ивой...»

Если расписывать подробности, выйдет целая простыня. Перейдем сразу к сути: они с Лян Чэном поцеловались.

Цяо Юаньлинь изо всех сил вцепился в дыру на своих рваных джинсах. Лян Чэн поцеловал его. Они оба были в здравом уме, и это был настоящий поцелуй.

Но самое ужасное — Лян Чэн еще восемь лет назад знал, что он поцеловал его тайком! В ту ночь Лян Чэн вовсе не спал и, скорее всего, даже не был пьян. Все это было сплошным притворством!

В первую же ночь после переезда в ателье ципао Лян Чэн узнал в нем того самого спасенного мальчишку. Но промолчал и признался как ни в чем не бывало лишь тогда, когда Цяо Юаньлинь сам все понял.

Когда Лян Чэна посчитали неблагополучным подростком и выставили за дверь, он даже не попытался объяснить.

Игрушечного пупса хранил целых восемь лет — не найди его Цяо Юаньлинь в прошлый раз, тот, наверное, так и лежал бы, пока не превратился в винтажный раритет.

Он с самого начала знал о том поцелуе, но искусно притворялся дурачком. После их новой встречи ни единым жестом себя не выдал, усыпил бдительность, а теперь застал врасплох.

И вот теперь Цяо Юаньлинь исходил стыдом и досадой. Прижавшись лбом к холодному стеклу с трагическим выражением лица, он окончательно убедился, что этому мужчине он не соперник.

Водитель мельком взглянул на него и спросил:

— Укачало, парень?

«Укачало от одного типа по фамилии Лян», — подумал Цяо Юаньлинь, а вслух промямлил:

— Да... есть немного.

Водитель не стал заезжать на территорию жилого комплекса и высадил их у ворот. Цяо Юаньлинь тут же выскочил наружу и, не дожидаясь спутника, приложил пропуск к турникету.

Расплатившись, Лян Чэн вышел следом и пошел позади шагах в десяти. Фонари во дворе горели тускло, отбрасывая длинные тени от деревьев и прохожих. Он не спеша следовал за ним, словно на прогулке.

Цяо Юаньлинь пытался идти быстрее, но сил не хватало — даже неспешно прогуливающиеся старики без труда его обгоняли.

— Эй, малыш, — раздалось вдруг за спиной.

Цяо Юаньлинь машинально остановился и оглянулся. Лян Чэн присел на корточки и ласково трепал дружелюбно виляющего хвостом пёсика.

Когда хозяин увел собаку, Лян Чэн поднялся и нагнал его, сократив дистанцию. Завернув за угол, они подошли к своему подъезду.

— Цяо Юаньлинь, — позвал он.

Понимая, что дома поговорить уже не удастся, Цяо Юаньлинь отозвался:

— А что это ты меня больше не зовешь «Линьлинь»?

Вообще-то Лян Чэн долго размышлял над этим. Цяо Юаньлиню, судя по всему, не нравилось

обращение по полному имени. Называть его «Сяо Цяо» казалось недостаточно близким — даже Чжэн Яньдун считал это слишком официальным. «Юаньлинь» — так его звали родственники, ничего особенного. А если назвать «Цяоцяо», этот чудик наверняка съязвит: «Чё-чё?»

Ну а «Линьлинь» и вправду звучало слишком приторно. Под луной у озера, когда эмоции бьют через край, это было уместно, но сейчас, посреди двора, язык не поворачивался так сказать.

— Я вообще-то еще не соглашался с тобой встречаться, — предупредил Цяо Юаньлинь.

— Знаю, — отозвался Лян Чэн.

— Тебе нельзя... — Цяо Юаньлинь замялся, подбирая слова. — Нельзя вот так запросто брать и... и целовать меня.

Лян Чэн преодолел разделявшие их последние шаги и, оказавшись совсем рядом, снова припомнил старое:

— Я хотя бы тебя предупредил, а не полез целоваться исподтишка, пока ты спал.

— Потому что я не притворялся спящим! — обиженно буркнул Цяо Юаньлинь.

— А тогда, в шестнадцать лет... это был твой первый поцелуй? — спросил Лян Чэн.

Лян Чэн попал в самое больное место. Цяо Юаньлинь говорил о настоящем, а тот упорно пытался уколоть его прошлым. Решив прекратить этот разговор, он развернулся и быстро зашагал к дверям.

— А у меня — да, — донеслось ему в спину.

К счастью, на улице было темно, и заливавшая лицо краска осталась незамеченной. Но сам Цяо Юаньлинь чувствовал, как кожа буквально горит. Сгорая от стыда, он пулей влетел в квартиру.

В гостиной Цяо Вэньюань расслаблялся в массажном кресле, а Хэ Цзе сидела на диване, паря ноги. Вся обстановка живо напоминала какой-нибудь оздоровительный спа-центр.

<http://bllate.org/book/18284/1753086>